

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 (23)

2018

Главный редакторчлен-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков****Заместители главного редактора:**член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**доктор исторических наук **Ю.А. Зеленева**Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева****Редакционный совет:****Р.С. Хакимов** – вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия)**И. Бальдауф** – доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** – PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** – доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** – академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** – доктор исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** – кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** – доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Ответственные за выпуск:****Ю.А. Зеленева** – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Т.Б. Никитина** – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 80425, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2018

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2018

© Журнал «Поволжская археология», 2018

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

- R. S. Khakimov** – Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)
Kh. A. Amirkhanov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
I. Baldauf – Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)
S. G. Bocharov – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
P. Georgiev – Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)
E. P. Kazakov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
N. N. Kradin – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)
A. Türk – PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)
I. Fodor – Doctor of Historical Sciences, Professor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)
V. L. Yanin – Doctor of Historical Sciences, Professor (Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

- A. A. Vybornov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
I. L. Izmaylov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue – Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**,
Doctor of Historical Sciences **T. B. Nikitina**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2018

© Mari State University, 2018

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Неолит и бронзовый век

Андреев К.М., Васильева И.Н., Выборнов А.А. (Самара, Россия).
Неолитический керамический комплекс стоянки Чекалино IV:
морфология, технология, хронология 8

*Скакун Н.Н. (Санкт-Петербург, Россия), Матеева Б. (Исперих, Болгария),
Ангелова И. (Тырговиште, Болгария).*
Результаты исследования кремневого инвентаря из неолитического
поселения Овчарово-гората (северо-восточная Болгария) 28

Сериков Ю.Б. (Нижний Тагил, Россия).
К вопросу о технике изготовления отверстий большого диаметра
в каменных изделиях неолита-бронзы Урала 56

Виноградов Н.Б. (Челябинск, Россия).
Синташта как транскультурный феномен 74

Виноградов Н.Б. (Челябинск, Россия), Хайратдинов Р.К. (Пласт, Россия).
Новые данные о культовой практике населения Южного Зауралья
позднего бронзового века 91

Археология эпохи раннего железа

Хисьяметдинова А.А., Чижевский А.А. (Казань, Россия).
Методические аспекты изучения оборонительных сооружений городищ
Волго-Камья раннего железного века – раннего средневековья 107

Федулов М.И. (Чебоксары, Россия), Семёнов А.А. (Йошкар-Ола, Россия).
Пространственный анализ расположения и топография городищ
раннего железного века чувашского Присурья 137

Голдина Р.Д. (Ижевск, Россия).
Застежки с крючком Тарасовского могильника 150

Археология и антропология эпохи средневековья

*Перескоков М.Л. (Пермь, Россия), Доткин К.В. (Самара, Россия),
Якимова Д.А. (Пермь, Россия).*
Головной убор IV в. н. э. из Мокинского могильника 178

*Никитина Т.Б., Кутузова Д.О. (Йошкар-Ола, Россия),
Воробьева Е.Е. (Казань, Россия).*
Погребения с бусами Анаткасинского могильника 199

Зеленцова О.В., Сапрыкина И.А. (Москва, Россия).
К вопросу о женском костюме муромы по материалам
погребения 57 Подболотьевского могильника 220

<i>Михеев А.В. (Йошкар-Ола, Россия).</i> Средневековый слой Ардинского городища (по материалам исследований 2013 года).....	241
<i>Бахматова В.Н., Набиуллин Н.Г. (Казань, Россия).</i> Технологическое изучение «прикамско-приуральской» керамики из домонгольских комплексов Джукетау.....	253
<i>Газимзянов И.Р., Кирягин К.В. (Казань, Россия).</i> Антропологическая и патолого-посттравматическая характеристика древних человеческих останков из захоронений Измерского XVI могильника по данным краниологии и медико-криминалистического исследования.....	275
<i>Газимзянов И.Р. (Казань, Россия).</i> Антропология Танкеевского могильника: краниологический анализ новых и старых материалов.....	294

История археологической науки

<i>Кузьминых С.В., Белозёрова И.В. (Москва, Россия).</i> Институт археологии и искусствознания РАНИОН в судьбах отечественной археологии.....	321
---	-----

Хроника

<i>Ситдииков А.Г., Каримов И.Р., Асылгараева Г.Ш. (Казань, Россия).</i> Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии Наук Татарстана в 2017 году.....	342
<i>Зеленеев Ю.А., Ситдииков А.Г., Асылгараева Г.Ш. (Казань, Россия), Байтанаев Б.А. (Алматы, Казахстан).</i> 50 лет Евгению Михайловичу Пигарёву.....	355
Список сокращений.....	360
Правила для авторов.....	363

CONTENS

The Neolithic and the Bronze Age

Andreev K.M., Vasil'eva I.N., Vybornov A.A. (Samara, Russian Federation).
Neolithic Ceramic Complex of Chekalino IV Site:
morphology, technology, chronology 8

*Skakun N.N. (Saint Petersburg, Russian Federation),
Mateva B. (Ispersikh. Bulgaria), Angelova I. (Targovishte, Bulgaria).*
Results of Studying Flint Inventory from the Neolithic Settlement
of Ovcharovo-gorata (north-east Bulgaria)..... 28

Serikov Yu.B. (Nizhny Tagil, Russian Federation).
On the Technique of Making Apertures with Large Diameters
in Stone Articles of the Neolithic and Bronze Age of the Urals 56

Vinogradov N.B. (Chelyabinsk, Russian Federation).
Sintashta as a Transcultural Phenomenon.....74

*Vinogradov N.B. (Chelyabinsk, Russian Federation),
Hairiatdinov R.K. (Plast, Russian Federation).*
New Data on the Cult Practices of the Population
of the Southern Trans-Urals in the Late Bronze Age.....91

Archaeology of the Early Iron Age

Khisiametdinova A.A., Chizhevsky A.A. (Kazan, Russian Federation).
Methodological Aspects of Studying Fortifications of Hillforts
in the Volga-Kama Region of the Early Iron – Early Middle Ages 107

*Fedulov M.I. (Cheboksary, Russian Federation),
Semenov A.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).*
Spatial Analysis of Placement and Topography
of Early Iron Age Settlements in Chuvash Sura Region.....137

Goldina R.D. (Izhevsk, Russian Federation).
Hooked Clasps from Tarasovo Burial Ground.....150

Archaeology and Anthropology of the Middle Ages

*Pereskokov M.L. (Perm, Russian Federation), Dotkin K.V.
(Samara, Russian Federation), Yakimova D.A. (Perm, Russian Federation).*
Headdress of the 4th Century A.D. from Mokino Burial Ground.....178

*Nikitina T.B., Kutuzova D.O. (Yoshkar-Ola, Russian Federation),
Vorobieva E.E. (Kazan, Russian Federation).*
Burials with Beads from Anatkasy Burial Ground 199

<i>Zelentsova O.V., Saprykina I.A. (Moscow, Russian Federation).</i> On the Muroma Female Costume Based on Materials from Burial 57 of Podbolotyevsky Burial Ground	220
<i>Mikheev A.V. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).</i> Medieval Layer of Ardinskoe Hillfort (based on study materials of 2013)	241
<i>Bakhmatova V.N., Nabiullin N.G. (Kazan, Russian Federation).</i> Technological Study of “Kama-Urals” Ceramics from Pre-Mongol Complexes of Juketaw	253
<i>Gazimzyanov I.R., Kiryagin K.V. (Kazan, Russian Federation).</i> Anthropological and Pathologic-Posttraumatic Characteristics of Ancient Human Remains from the Burials of Izmeri XXVI Burial Ground on the Basis of Craniological and Medical-Forensic Study Results	275
<i>Gazimzyanov I.R. (Kazan, Russian Federation).</i> Anthropology of Tankeevka Burial Ground: craniological analysis of new and previous materials	294

History of Archaeological Science

<i>Kuzminykh S.V., Belozerova I.V. (Moscow, Russian Federation).</i> Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences in the Fates of National Archaeology	
---	--

Chronicle

<i>Sitdikov A.G., Karimov I.R., Asylgaraeva G.Sh. (Kazan, Russian Federation).</i> On the Main Results of Scientific Activity of the Institute of Archaeology Named After A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences in 2017	342
<i>Zeleneev Yu.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Sitdikov A.G., Asylgaraeva G.Sh. (Kazan, Russian Federation), Baytanayev B.A. (Republic of Kazakhstan).</i> 50 th Anniversary of Evgeny Mikhailovich Pigaryov	355
List of Abbreviations.	360
Submissions.	363

УДК 902.1, 903.05

<https://doi.org/10.24852/pa2018.1.23.220.240>

К ВОПРОСУ О ЖЕНСКОМ КОСТЮМЕ МУРОМЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБЕНИЯ 57 ПОДБОЛОТЬЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2018 г. О.В. Зеленцова, И.А. Сапрыкина

В статье рассматриваются материалы из женского погребения 57, исследованного при раскопках Подболотьевского могильника в 2012 году (работы ИА РАН). Это погребение, датируемое второй половиной VIII – началом IX в., содержит 159 предметов из цветного и драгоценного металлов и выделяется общим богатством инвентаря среди всех исследованных погребений в начале XXI в. Четыре аналогичных ему по составу убора и богатству инвентаря погребения были исследованы В.А. Городцовым в 1910 году и считаются классическими захоронениями муромы. Сравнительно-типологический анализ убора из п. 57 позволил определить структуру традиционного муромского костюма, статусный характер которого стал эталонным для формирования костюмного ансамбля этого периода. Анализ химического состава металла из этого погребения позволил установить, что основным типом сплавов для изготовления деталей муромского убора, во второй половине VIII – начале IX вв. являлся сплав CuPbSbZn, характеризующийся пониженным содержанием цинка (до 5%) и олова (до 10%). Наличие в погребении двух изделий из серебра, при общем богатстве инвентаря, свидетельствует в пользу высокого социального статуса погребённой. В ходе исследования металла из этого погребения были выявлены одновременно изготовленные украшения, а также классические формы изделий, изготовленные из сложного для обработки давлением сплава, что позволяет поставить вопрос о характере убора из подобных захоронений: являются ли такие уборы «сборными», собираемыми в течении времени, или они носят скорее ритуальный характер.

Ключевые слова: археология, раннее средневековье, поволжские финны, мурома, мордва, Нижняя Ока, могильник, головной убор, социальная стратификация, РФА-анализ, химический состав металла.

Муромский женский костюм является самым ярким и узнаваемым среди поволжско-финских древностей эпохи средневековья. Весь комплекс убора и отдельные его предметы настолько самобытны, что служат безусловным этнокультурным маркером муромы, а реконструкции, опубликованные еще в начале XX века В.А. Городцовым при издании материалов раскопок 1910 года Подболотьевского могильника (Городцов, 1914, с. 114, рис. 47–49), прочно вошли в

литературу и вот уже более 100 лет иллюстрируют «классический» муромский костюм с так называемыми головными жгутами (Голубева, 1987. Табл. XXXVI, 3–5). Именно головной убор со сложной конструкцией из жгутов, расположенных нимбом вокруг головы, является своеобразной визитной карточкой этого племени поволжских финнов. Первый исследователь Подболотьевского могильника подробно описал данную деталь убора (Городцов, 1914, с. 83, 103) и полагал,

что убор богатых женщин включал два головных ремня (венчика), значительное количество височных колец, спинных привесок и чепец, который и украшался сверху двумя дугообразными жгутами (там же, с. 56).

Эволюция отдельных украшений в составе костюма и хронология костюмного комплекса была рассмотрена В.В. Гришаковым и Ю.А. Зеленевым, которые женский костюм с головными жгутами из Малышевского могильника отнесли к третьему этапу существования культуры и датировали IX – первой половиной X в. (Гришаков, Зеленева, 1991, с. 28–29, рис. 8).

Обстоятельный анализ головного убора, в том числе включающего эти детали, был сделан хранителем городцовской коллекции в ГИМе Н.В. Тухтиной, которая считала, что головные жгуты появились в Подболотье в конце VIII века, но наибольшее распространение получили в IX–X вв. (Тухтина, 1997, с. 117).

В ходе раскопок Подболотьевского могильника, проведенных ИА РАН в 2013–2015 гг. (Зеленцова, 2014, с. 219–230), было раскопано женское погребение 57 с богатым убором, аналогичным исследованным и опубликованным В.А. Городцовым (Городцов, 1914, с. 113–115, рис. 47–49; с. 135, рис. 61; с. 140, рис. 65). Это погребение выделяется из общей массы как присутствием в ансамбле всех культуруопределяющих элементов, характерных для муромы, так и общим богатством инвентаря. Изучение этого погребения, сравнительный его анализ с материалами начала XX века позволяют определить структуру муромского традиционного убора с головными жгутами, установить место

отдельных украшений в его составе и подойти к пониманию процессов складывания основных признаков муромской культуры.

Другой задачей настоящей публикации является определение места подобных захоронений в системе могильника, их хронологическая позиция и социальный статус. Решению этой задачи подчинено, в том числе и исследование химического состава части предметов из погребения 57.

Погребение 57 расположено в центральной части могильника. Женщина в возрасте 40–49 лет¹ лежала вытянуто на спине, головой на север, правая рука в области груди, а левая на животе (рис. 1; 2). Детали одежды и украшения располагались в порядке ношения. На лбу зафиксирован венчик из кожаного ремешка, обмотанного тонкой бронзовой проволокой, в области висков на венчик прикреплены привески в виде полой трубочки с колечками и бутыльчатыми подвесками на цепочках (рис. 3: 3). В области висков обнаружено по 6 экземпляров разного размера проволочных височных колец «муромского» типа и одному лунничному с трапециевидными привесками (рис. 3: 5–10). При разборе была зафиксирована система их крепления на кожаном ремешке шириной около 1 см.

Поверх узкого венчика располагался второй, из широкой кожаной ленты (до 2 см), спереди обложенной бронзовыми пластинчатыми скобками (рис. 2). Этот венчик скреплял в единое целое весь головной убор, ос-

¹ Выражаем благодарность д.и.н. М.В. Добровольской за определение поло-возрастных характеристик погребенной.

Рис. 1. Погребение 57 из Подболотьевского могильника. Вид с запада.

Fig. 1. Burial 57 from Podbolotievsky burial mound. View from the West.

нову которого создавали два головных жгута, расположенные в виде «нимба» вокруг головы (рис. 2; 3: 2). Концы широкого венчика огибали жгуты в области висков (рис. 2). В области висков под жгутами был зафиксирован темный тлен мощностью до 1 см, напоминающий войлок, слева, под местом сочленения широкого венчика и заднего головного жгута сохранился фрагмент ткани. Каких-то элементов крепления не зафиксировано, возможно, кожаные ремешки венчиков завязывались сзади, но их не удалось проследить не в одном из погребений. Единственное, что мы можем констатировать, что у венчиков была украшена только фронтальная часть. Вероятно, можно в какой-то мере вернуться к реконструкции П.Д. Степанова, который считал, что подобный головной убор был составным, сшитым из ткани, а жгуты крепились в

верхней части на какую-то жесткую основу, сзади ткань в виде лопасти спускалась на спину (Степанов, 1970, с. 44–45, рис. 6). О присутствии твердой основы и тканой шапочки в составе головного убора в свое время писали и другие исследователи (Гришаков, Зеленева, 1991, с. 24).

Шею украшало ожерелье из подвесок-двойчаток с бутыльчатыми привесками (рис. 3: 16) и две гривны: ложновитая круглодротовая с замком в виде петли и крючка с многогранной головкой (рис. 3: 17) и пластинчатая серповидная с накладной пластиной и конусовидными трубчатыми привесками (рис. 3: 18). На груди, частично на гривнах лежала нагрудная дисковидная бляха с крышечкой (рис. 4: 1), на нее положена правая рука, со спиральным браслетом (рис. 4: 6). На левой руке также был спиральный браслет, а на указатель-

ном пальце – спиральный перстень (рис. 3: 15).

Справа и слева в области согнутых локтей зафиксированы кистевые наконечники из кожаных ремешков, обмотанных бронзовой проволокой с бутыльчатыми подвесками с привесками (рис. 3: 11, 12). С каждой стороны было по пять кистей. В составе наконечника справа была еще бронзовая подвеска-гребешок и костяной гребешок с конскими головками (рис. 3: 13, 14). Кисти наконечника лежали под и частично на фрагментах ткани, край которой был вышит оловянным (?) бисером полосой шириной 3 см. По нижнему краю сохранившегося фрагмента ткани в ряд лежали две прямоугольные шипастые ажурные привески (рис. 4: 3). После снятия этих украшений была прослежена такая же вертикальная полоса бисера. Это, вероятно, угол фрагмента покрывала или плата. Такая же полоса бисера длиной 37 см поперек погребения была зафиксирована после снятия фрагментарно сохранившихся ребер в области лопаток. Вдоль ряда бисера лежали подвески-трубочки с лапчатыми привесками оборотной стороной вверх (рис. 4: 4, 5). 15 подвесок были скреплены между собой при помощи плетеной веревочки. Судя по всему, это украшение края плата-покрывала со спины.

На поясе найдены ажурная прямоугольная поясная пряжка с лапчатыми привесками на длинных цепочках и парная ей ажурная поясная накладка (рис. 3: 21, 22). Рядом с ними лежала небольшая застежка с «крылатой» иглой (рис. 3: 1) и железный нож. Под этими украшениями под фрагментами тазовых костей в области середины спины был расчищен пластинчатый наконечник ремня с двумя треуголь-

ными привесками, а под ним – трубчатый разделитель и две ажурные прямоугольные подвески с пирамидальными шипастыми привесками, лежащие «лицом» вниз. Это наспинное украшение. Здесь же, слева от ажурной подвески, лежали три прямоугольные подвески с бутыльчатыми привесками (рис. 4: 3), аналогичные найденным в районе правого локтя. Вероятно, это единое украшение, связанное с поясом. В.В. Гришаков считает это украшение подгрудным ожерельем (Гришаков, 2016, с. 257).

Справа, в области пояса, зафиксированы трапециевидная ажурная подвеска с лапчатыми привесками на цепочках, лежащая лицом вниз и умбовидная с бутыльчатыми привесками (рис. 3: 19, 20). Возможно, они как-то были связаны с боковым ремнем согнутым пополам, который лежал правее бедренной кости правой ноги (рис. 1; 2). Во всю длину ремня были зафиксированы подвески-двойчатки с бутыльчатыми привесками и пронизки. Южнее окончания бокового ремня прослежено украшение из этих подвесок. Они на пронизках располагались двумя вертикальными рядами длиной до 20 см. С этим украшением связаны зафиксированные южнее две прямоугольные трубчатые подвески с лапчатыми привесками, в ушке одной из которых зафиксирована пронизка и подвеска-двойчатка. Подвески-двойчатки и пронизки прослежены в этой части могильной ямы по всей площади захоронения. Здесь же найдена умбовидная подвеска с петельками и лапчатыми привесками от обувного украшения, вторая была обнаружена в засыпке.

Комплекс рассматриваемого погребения включает в большей части

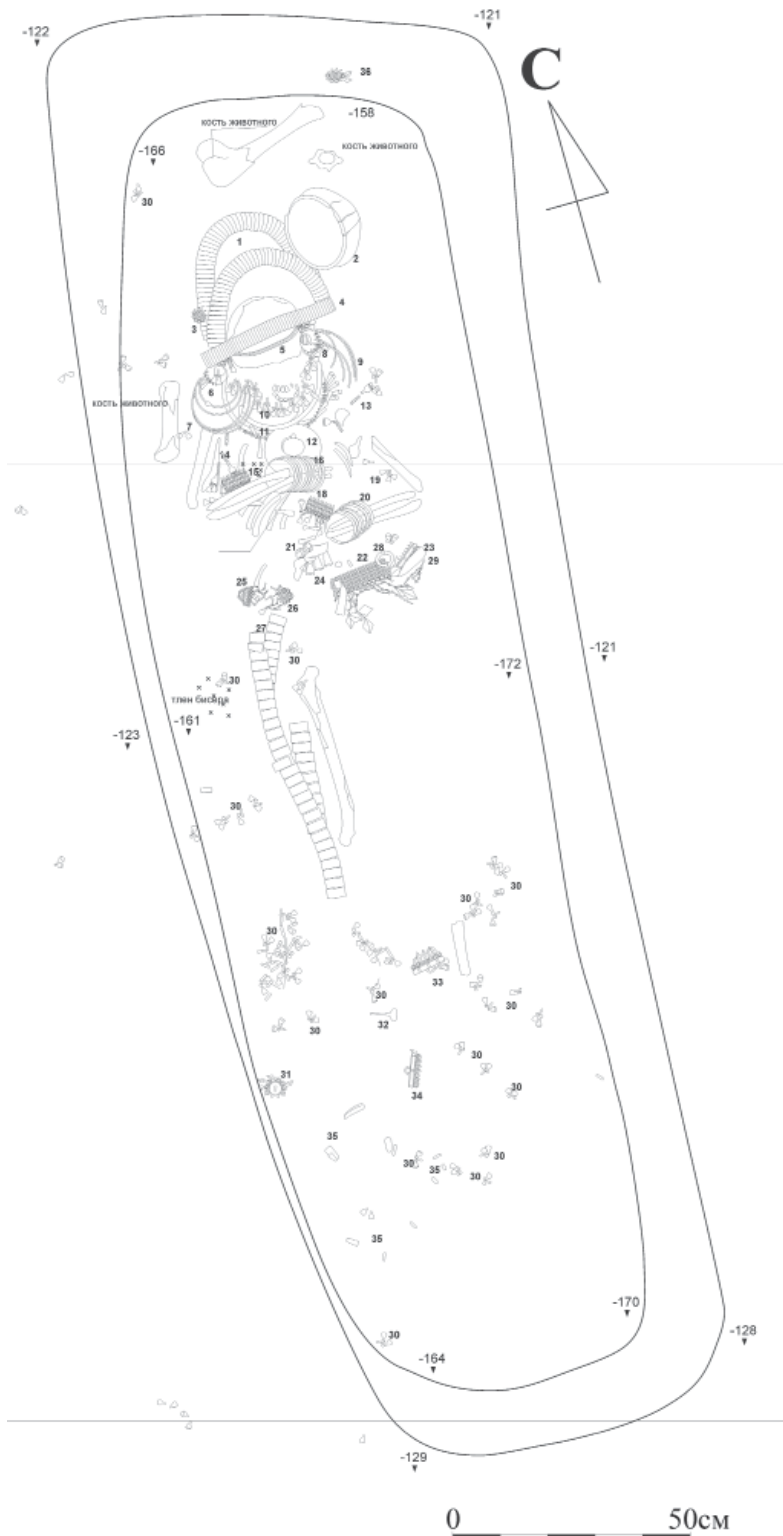

Рис. 2. План п. 57 Подболотьевского могильника на уровне первой расчистки. 1 – головные жгуты; 2 – глиняный горшок; 3 – умбовидная подвеска; 4 – широкий налобный венчик; 5 – узкий налобный венчик с привесками полыми трубочками; 7, 8 – лунничные височные кольца; 7, 9 – височные кольца «муромского» типа; 10 – ожерелье из подвесок-двойчаток; 11 – дротовая ложновитая гривна с многогранной шляпкой; 12 – пластинчатая серповидная гривна; 13, 14 – накосники; 15, 18 – шипастые шумящие подвески; 16, 20 – спиральные браслеты; 19 – подвеска-двойчатка; 21 – спиральный перстень; 22 – ажурная поясная пряжка; 23 – ажурная поясная накладка (парная пряжке); 24 – наспинное украшение; 25 – подтреугольная шумящая подвеска с привесками; 26 – умбовидная шумящая подвеска с привесками; 27 – боковой ремень; 28 – застежка с «крылатой» иглой; 29 – железный нож; 30 – украшения из подвесок-двойчаток; 31 – умбовидная подвеска; 32 – язычок от застежки (28); 33, 34 – трубчатая подвеска с петлей и лапками.

Fig. 2. Plan of burial 57 of Podbolotievsky burial ground at the first clearing level. 1 – head bundles; 2 – clay pot; 3 – shield-shaped pendant; 4 – wide forehead circlet; 5 – narrow forehead circlet with hollow tube pendants; 7, 8 – moon-shaped temple rings; 7, 9 – temple rings of the “Murom” type; 10 – necklace composed of double pendants; 11 – falsely wound wire torq with a multi-faceted cap; 12 – plated crescent-shaped torq; 13, 14 – braid covers; 15, 18 – spiked noise-making pendants; 16, 20 – spiral bracelets; 19 – double pendant; 21 – spiral signet ring; 22 – openwork belt buckle; 23 – openwork waist overlay (twin buckle); 24 – back decoration; 25 – sub-triangular noise-making pendant with appendages; 26 – shield-shaped noise-making pendant with appendages; 27 – lateral belt; 28 – clasp with a “winged” needle; 29 – iron knife; 30 – adornments composed of double pendants; 31 – shield-shaped pendant; 32 – tongue of a clasp (28); 33, 34 – tubular pendant with a loop and lugs.

предметы, характерные для муромской культуры, хронология которых разработана слабо. Для определения хронологической позиции этого погребения можно привлечь застежку с «крылатой» иглой и набор из двух гривен.

Прежде всего, это массивная ложновитая гривна с замком в виде петли и крючка с многогранной шляпкой и пластинчатая серповидная с бутылчатами привесками (рис. 3: 17, 18). Серебряные и бронзовые ложновитые гривны с подобной застежкой в литературе получили наименование «гривны «глазовского» типа». Традиционно считается, что наибольшее распространение они имели в Прикамье и в целом датируются IX–X веками (Леонтьев, 1996, с. 164). Однако, как показывает статистика, не меньше они были распространены в мордовских могильниках. Только в

трех могильниках мордвы на средней Цне (Елизавет-Михайловский, Пановский и Крюковско-Кужновский) и в Шокшинском могильнике в низовьях Мокши найдено 162 гривен (Вихляев и др., 2008, с. 18). В могильниках муромы, по подсчетам В.В. Бейлекчи, известно 40 подобных гривен (Бейлекчи, 2005, с. 44). Анализ этих украшений из мордовских могильников свидетельствует, что типологически выделяются два варианта гривен: более массивные с массивной многогранной головкой (как правило, выполнены из бронзы) и более изящные серебряные экземпляры с уплощенной шляпкой с выраженными гранями. Различаются они и хронологически. Массивные украшения нередко встречаются в комплексе с гривнами с застежкой-«лодочкой», как, например, в погребении 205 Крюковско-Кужновского могильника, где они найдены

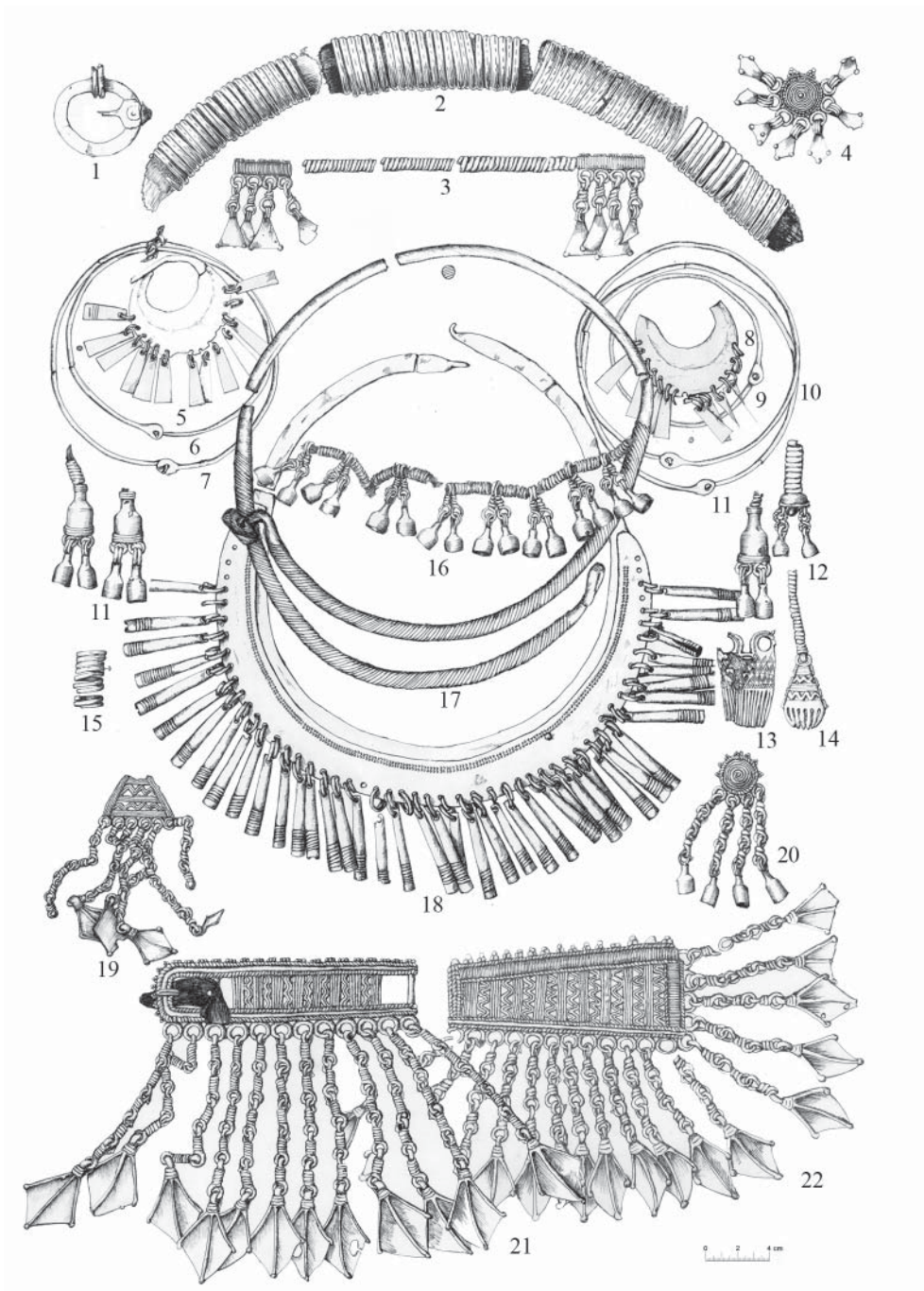

Рис. 3. Украшения из п. 57 Подболотьевского могильника. Рисунки А.А. Леонтьевой.
 Fig. 3. Adornments from burial 57 of Podbolotievsky burial ground. Pictures by A.A. Leont'eva.

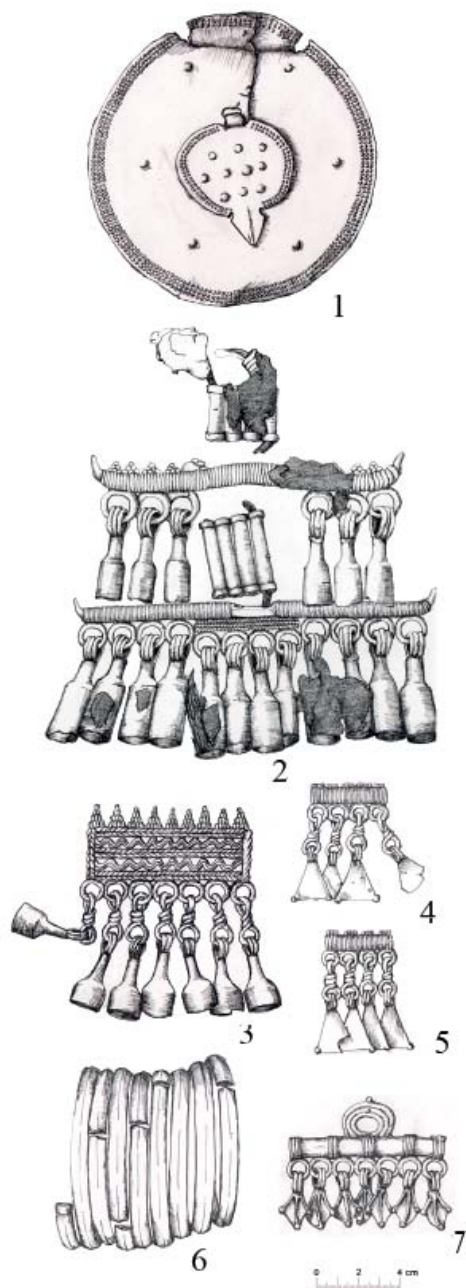

Рис. 4. Украшения из п. 57 и корыслообразная привеска из п. 85 Подболотьевского могильника. Рисунки А.А. Леонтьевой.

Fig. 4. Adornments from burial 57 and a beam-shaped appendage from burial 85 of Podbolotievsky burial ground. Pictures by A.A. Leont'eva.

в комплексе с куфическим дирхемом Аль-Мансур 139 г. х. (756 г.) (Материалы по истории мордвы, 1952, с. 71). Основное время бытования ложновитых гривен с массивной граненой головкой определяется совместными находками с коваными сюлгами с длинными «усами» и литыми сюлгами, бляхами с круглой крышечкой, шляпконочными браслетами. Подобный комплекс с ожерельем найден в погребении 349 Крюковско-Кужновского могильника, включающим 4 абассидских дирхема, которые позволяют датировать его первой половиной IX в. (Гомзин, 2013, с. 119).

Серебряные экземпляры гривен «глазовского» типа также известны как в Подболотьевском могильнике, так и у мордвы. Их нередко находят в окских денежно-вещевых кладах (Григорьев, 2010, с. 451). Например, находки в составе Алпатьевского, Железницкого и Супрутского кладов датируются А.А. Гомзиным последней четвертью IX в. – первым десятилетием X в. (Гомзин, 2013, с. 13). Гривны «глазовского» типа с уплощенной шляпкой обнаружены в могильниках мордвы XI вв. (Вихляев и др., 2008, с. 145–147). Так, в Шокшинском могильнике гривны найдены в погребении с мечом, клейменным ULFBERHT, наконечником ножен с прорезным изображением птицы и дирхемами. Погребение датируется автором раскопок второй половиной – концом X – началом XI в. (Шитов, 1990, с. 24–26. Табл. V, 9). В анализируемом погребении 57 гривна «глазовского» типа более раннего облика, подобные экземпляры вместе с пластинчатой серповидной гривной в материалах мордвы датируются сере-

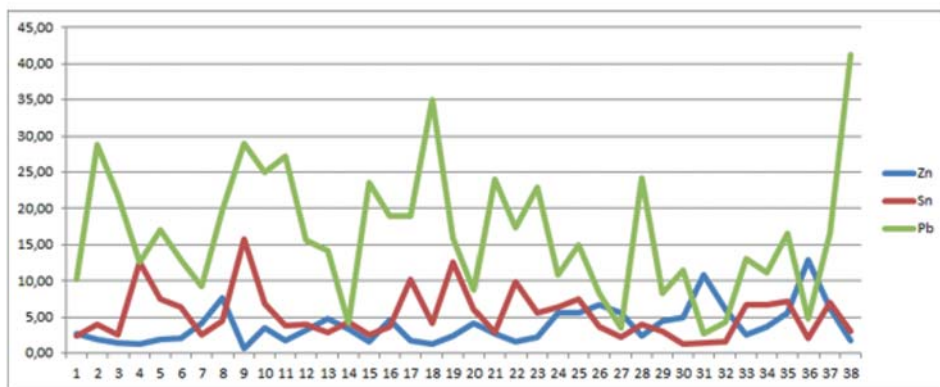

Рис. 5. Гистограмма распределения основных легирующих компонентов в сплаве CuPbSnZn

Fig. 5. Distribution histogram of primary alloying components in the CuPbSnZn alloy.

диной VIII–IX в. (Вихляев и др., 2008, с. 142).

Еще одной находкой, позволяющей уточнить датировку погребения, является пластинчатая застезка с «крылатой» иглой. Застезка небольшого размера, диаметр кольца 4,8 см, у основания иглы небольшой округлый выступ (рис. 3: 1). Близкие застезки найдены в погребениях 217 и 218 Подболотьевского могильника, но они несколько крупнее – до 6 см в диаметре. В.Н. Шитов относил похожую застезку из погребения 70 Волчихинского могильника к середине – концу VII в., по находке в комплексе с поясным набором геральдического облика (Шитов, 1988, с. 31). По мнению И.Р. Ахмедова, небольшие двускатные и пластинчатые застезки с ромбовидным или трапециевидным основанием иглы, появившиеся в рязано-окской среде, стали прототипами воинских фибул ставших популярными в последующее время у поволжских финнов. Им опубликована ранняя форма застезки из погребения 247 Никитинского могильника (Ахме-

дов, 2010, с. 12–13). Эволюция и хронология этих застезек до сих пор не разработаны, но, судя по материалам, крупные застезки развитого облика также бытуют в конце VII – первой половине VIII в. Так, в погребении 250 Подболотьевского могильника найдена крупная застезка диаметром 10 см с рельефным валиком на пластине и выраженными крыловидными выступами, размер основания которых достигает 9 см. Типологически близкие крупной подболотьевской застезке воинские фибулы найдены в Елизавет-Михайловском и Пановском могильниках (Зеленцова, 2005, 324–325, рис. 2, 25). Геральдические пояса второй стилистической линии, по И.О. Гавритухину, позволяют датировать погребения с этими застезками со Средней Цны концом VII – первой половиной VIII в. (Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 84–85). В мордовских древностях крупные застезки с «крылатой» иглой бытовали в течение всего VIII в., так во II Старобадиковском могильнике они часто встречаются как в комплексах с геральдиче-

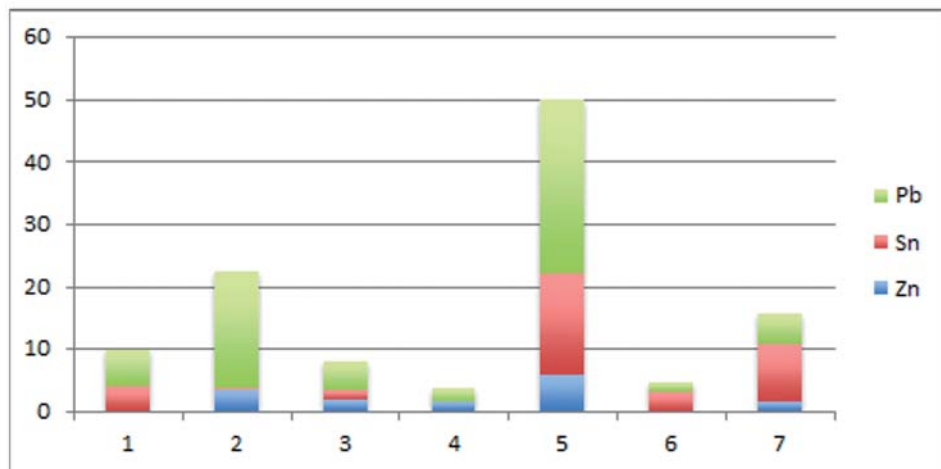

скими поясными наборами, гривнами с застежкой-«лодочкой», так и с удилами с S-овидными псалиями и неволинскими поясами (Петербургский, 2011, рис. 26, 38, 42, 78, 94). В том же могильнике бытуют и застежки небольшого размера, где они встречаются с сюлгами с длинными «усами» и лировидными пряжками (Петербургский, 2011, рис. 42; 47, 168). Таким образом, застежка из погребения 57 Подболотьевского могильника, вероятно, является несколько пережившим свое время артефактом, который тем не менее подчеркивал статусность его владельца. С ее учетом данное погребение может датироваться рубежом-первой половиной IX в.

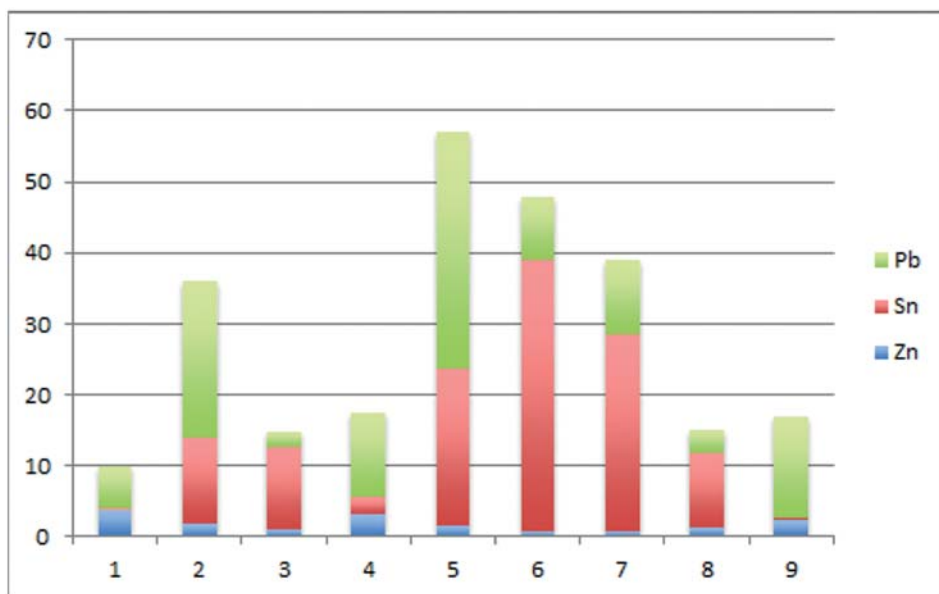
Согласно полевой описи коллекция находок из погребения 57 составляет 156 предметов, часть из которых составные (например, ожерелье, кисть из привесок-двойчаток и др.). Самой примечательной деталью этого комплекса является головной убор со жгутами. Эта деталь убранства характерна только для муромы и не встречается у других поволжских финнов. Истоки этого убора, как уже неоднократно отмечалось, надо искать в древностях безводнинско-ахмыловского типа, которые хронологически предшествуют муромским древностям и где отмечены ранние типы жгутов (Краснов, 1980, с. 42, рис. 21, 11; Архипов, 1973, рис. 85, Гришаков, Зеленева, 1991, с. 23–24). По подсчетам Н.В. Тухтиной, головные уборы со жгутами обнаружены в 30 погребениях Подболотьевского могильника из раскопок В.А. Городцова (Тухтина, 1997, с. 117). Это составляет 48% от женских погребений (всего женских 63). В материалах раскопок ИА РАН в 18 погребениях головные жгуты обна-

ружены по месту ношения, в двух – в составе жертвенного комплекса. Все эти погребения расположены в восточной, более ранней, части могильника и составляют 44% от женских захоронений этой части памятника. Таким образом, почти половина подболотьевских женщин носили эти головные уборы.

Говоря об общей хронологии бытования костюмного комплекса со жгутами, необходимо учитывать его находку в погребении 250 с застежкой с «крылатой» иглой развитого облика, о которой мы писали выше. Высокую сопряженность головные жгуты имеют с дрововыми гривнами с обмоткой и застежкой-«лодочкой». Совместные находки зафиксированы в 10 погребениях Подболотьевского могильника. Наиболее ранний тип этой гривны известен в Серповском могильнике с золотыми византийскими монетами, позднейшая из которых датируется концом VII в. (Алихова, 1969, с. 119). В материалах из мордовских могильников она датируется VIII в., преимущественно первой его половиной (Вихляев и др., 2008, с. 140). В Крюковско-Кужновском и II Старобадиковском могильниках они известны с поясными наборами, выполненными в византийских традициях – с большими шарнирными пряжками и массивными рельефными накладками (Материалы по истории..., 1952. Табл. XXX, 6; XXXI, 6, 7, 8; XXXIV, 9). В крымских материалах подобные пояса датируются также первой половиной VIII в. (Айбабин, 1999, с. 319. Табл. XXXII), а В.А. Комар относит их к раннесалтовскому горизонту Столбище-Старокорсунская, хронология которого определяется в рамках середины–второй половины

а

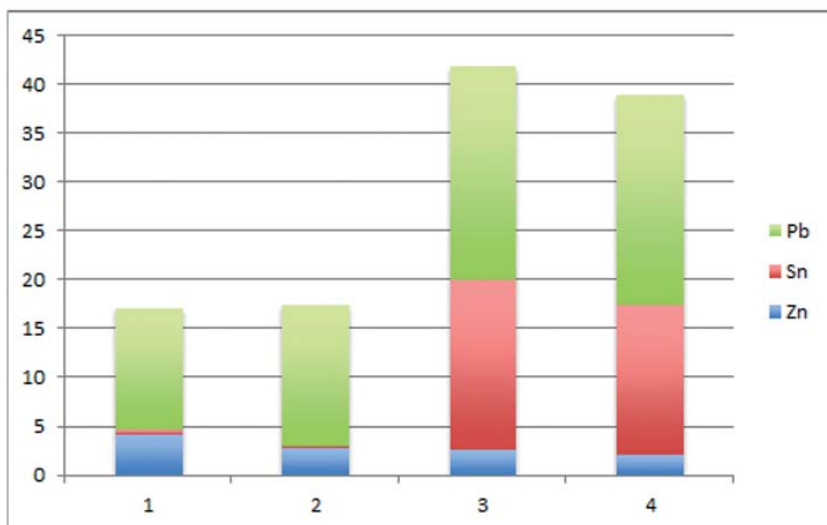
б

Рис. 6. Гистограммы распределения основных легирующих компонентов сплавов из выборки второй половины VIII – IX вв. Подболотьевского могильника: а – погребение 30; б – погребение 37; в – погребение 34; г – погребение 85.

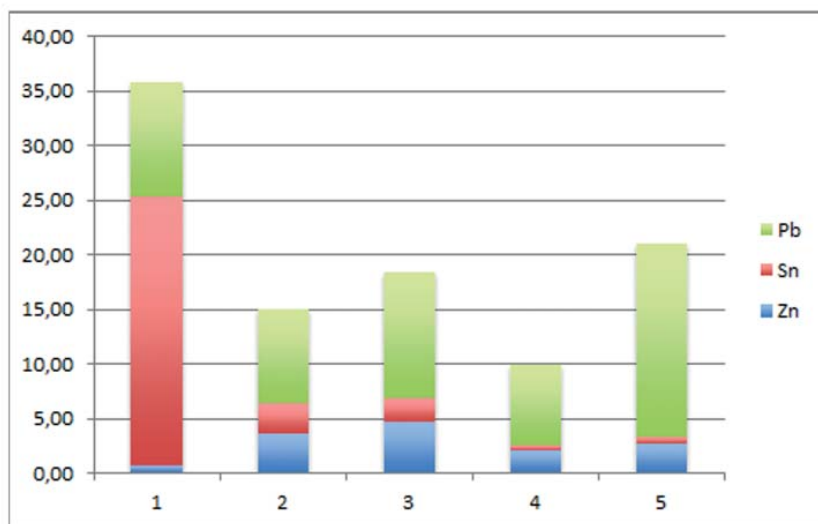
Fig. 6. Distribution histograms of primary alloying components of alloys from the samples of the second half of 8th – 9th centuries. Podbolotievsky burial ground: а – burial 30; б – burial 37; в – burial 34; г – burial 85.

VIII в. (Комар, 1999, с. 123–128, 132). Таким образом, появление этого костюма в «классическом» облике вряд ли можно отнести ранее первой половины–середины VIII в.

Наблюдения за размещением погребений с головными жгутами в пространстве Подболотьевского могильника показывает, что они отсутствуют в северо-западной поздней части мо-

6

2

гильника. Это позволяет сделать вывод, что в X в. этот головной убор исчезает.

Анализ взаимовстречаемости головных жгутов с другими деталями костюма позволил определить основной состав ансамбля. Полный убор, включающий от 12 до 15 категорий украшений костюма зафиксирован в 5 погребениях могильника. В состав

полного костюмного ансамбля входил головной убор со жгутами, двумя налобными венчиками, комплектом височных колец «муромского» типа до 12–14 экземпляров и лунничных височных колец. Присутствие височных колец является обязательным атрибутом убора. В нашей выборке они не зафиксированы только в 6 случаях, что объясняет либо особенностями

погребального обряда (Г36² – кремация, Г241 – погребение коня), либо вопросами сохранности (Г53, 54, 166; 77). Состав набора височных колец и их количество является хронологическим признаком и менялся со временем. Так, лунничные височные кольца появляются на завершающем этапе бытования этого костюма и более характерны в последующее время уже для иного убора. Еще одной обязательной деталью костюма со жгутами был боковой ремень, который присутствует в полном или фрагментарном виде в 70% погребений анализируемой выборки. Спинные украшения в виде коромысловидной подвески (рис. 4: 2) или прямоугольных шумящих подвесок (рис. 4: 3) встречаются в трети анализируемых погребений. Еще одним из особых типов украшений, характерных только для муромы является ажурная поясная застежка удлиненной формы с лапчатыми привесками на длинных цепочках и ажурная накладка подтрапециевидной формы. Эти два украшения парные, выполнены, как правило, в одной стилистике, располагались на поясе слева, сначала пряжка, к ней вплотную задняя ажурная пластина (Городцов, 1914, с. 101, 112, 114, рис. 42, 45, 47). В нашей выборке всего 5 погребений с такими пряжками. Они служили для застегивания пояса, с которым был связан и боковой ремень. В трех комплексах, в том числе в погребении 57, эти ажурные пряжки, вероятно, служили для застегивания пояса с шумящими литыми подвесками, которые украшали переднюю часть пояса.

² Здесь и далее Г обозначает погребения, исследованные В.А. Городцовым, без буквы – погребения раскопанные ИА РАН.

О присутствии пояса в женском костюме свидетельствуют, помимо присутствия боковых ремней, находки железных поясных пряжек у 40% погребенных нашей выборки (Городцов, 1914, рис. 63, 64, 68).

Другие детали убора встречаются в костюме в различных вариациях: гривны у 50% погребенных, ожерелья из подвесок-двойчаток, стеклянных бус у 48%, нагрудные дисковидные бляхи либо ажурные круглые бляхи или застежки в 28% захоронений. Почти для всех погребенных характерны перстни (70%), браслеты (33%), встречаются сюлгамы (26%) и железные фибулы. Украшение обуви прослежено у почти трети (26%).

В 12 комплексах присутствует от 8 до 11 категорий украшений, а в остальных 24 погребениях от 3-х до 7 категорий³. Обязательными в костюме последней группы захоронений являются головные жгуты, височные кольца, какой-то один из венчиков и боковой ремень. В таких погребениях в уборе присутствует один жгут, либо отдельные бронзовые спирали, расположенные разреженно в области головы. Вероятно, они украшали головной убор из органического материала, имитируя богатый убор. Боковой ремень также часто не полный, бронзовыми обкладками декорировалась только какая-то часть кожаной полосы. Таким образом, анализ свидетельствует, что существовал единый канон в костюме, который стремились соблюсти.

³ Не учтено 5 разрушенных погребений, одно трупосожжение и жертвенный комплекс. Все эти захоронения не несут достоверную информацию о составе костюма.

Возможно и у остальных подболотьевских женщин (чуть более 50%) имелись сложные головные уборы из органических материалов, которые они по различным причинам не могли украсить столь пышно и богато. По крайней мере, в большинстве погребений этого времени прослеживаются основные атрибуты муромского костюма – обязательно височные кольца «муромского» типа, перстни, часто венчики, ожерелья из привесок, нагрудные украшения, реже боковые ремни, украшения обуви и т.д.

Это доказывает, что в целом структура и состав костюма, который фиксируется в «богатых» женских погребениях являются традиционным убором для муромских женщин. Разница только в количестве украшений и полноте набора. Столь богатый убор, как в погребении 57, был меньше чем у 5% женского населения Подболотьевского могильника этого времени (5 погребений из 108). В его составе сложно выделить вещи, которые носили бы ярко выраженный статусный характер – все детали костюма так или иначе присутствуют у всех остальных членов общества. Исключение, пожалуй, составляют только застежки с «крылатой» иглой и, возможно, парные украшения пояса – ажурные пряжка и накладка. Они крайне редки в костюме и имеются только в «богатых» комплексах, но вопрос об их месте в костюме требует дополнительного исследования.

Как уже отмечалось выше, погребение 57 выделяется среди раскопанных нами женских захоронений не столько по составу украшений, сколько по их количеству. Суммарный вес украшений из цветного металла составил около 3 кг. В то время как сред-

ний вес украшений в составе женского костюма равен примерно 500–700 г.

Большое количество металлического инвентаря из погребения 57, наличие в нем, по-видимому, полного женского комплекта украшений и деталей одежды муромы, – это редкая возможность провести аналитическое исследование для столь большой выборки, по количеству значительно превосходящей выборки из других погребений как этого, так и других хронологических периодов существования Подболотьевского могильника.

В настоящее время анализ химического состава цветного металла украшений из погребения 57 выполнен лишь для трети выборки. Анализ выполнялся неразрушающим методом бесэталонного РФА в Институте археологии РАН на РФА-спектрометре M1 Mistral (Bruker); время измерения 30–60 сек., размер коллиматора 1,5 мм, спектры обрабатывались на специальном программном обеспечении XSpec Pro.

Особенностью данной выборки является плохая сохранность металла, наличие визуальной фиксируемой коррозии по всему объему предметов с выходом в виде хлоридов меди; реставрация, проведенная для некоторых предметов из погребения 57, была направлена в основном на консервацию металла в его настоящем состоянии, а не на очистку до «чистого» металла в связи с его изначально плохой сохранностью. Это решение по преимущественной консервации украшений было принято намеренно с тем, чтобы исследователи успели зафиксировать форму и параметры украшений в связи с возможной их деформацией (или частичной утратой). В настоящее время часть предметов

из выборки отправлена на повторную реставрацию с тем, чтобы провести очистку поверхности от коррозионных наслоений (в том числе, на отдельных участках – до «чистого» металла для проведения дальнейших аналитических исследований).

Проведение анализа химического состава методом РФА со столь плохой сохранностью металла сопряжено с определенными трудностями в интерпретации результатов по содержанию ряда элементов в сплавах (Енисова, Митоян, 2014; Orfanou, Rehren, 2014; и др.). Нами с целью минимизации ошибки концентрации, в частности, по содержанию свинца, для каждого предмета из публикуемой выборки с предварительно механически расчищенной поверхности⁴ бралось от 2-х до 9 (min) проб. Это делалось для корреляции содержания свинца и олова в металле, т.к. их содержание на поверхности зависит от степени интенсивности коррозионных процессов; публикуемые результаты основаны на ранжировании данных с зафиксированным минимальным содержанием свинца на поверхности.

Кроме того, результаты из погребения 57 сравнивались с данными для других погребений как этого хронологического периода, так и более позднего времени (всего выборка из Подоболотьевского могильника в настоящее время насчитывает более 600 проб). Это позволило интерпретировать полученные данные по химсоставу металла из погребения 57 как

характерную часть группы сплавов второй половины VIII–IX в., выделяющихся на фоне металла других хронологических периодов доминированием многокомпонентного сплава с большими присадками свинца.

Ранжирование, выполненное для рассматриваемой выборки по результатам проведенной статистической обработки полученных данных, показало, что в выборке из погребения 57 доминирует многокомпонентный сплав (CuPbSZn) (85% выборки). Обращает на себя внимание довольно низкое процентное содержание олова: основное количество проб попадает в интервал от 5 до 10% (рис. 5). Судя по количеству цинка (среднее значение от 0,70 до 5%; максимум 13,68%), зафиксированного в выборке, украшения из погребения 57 были изготовлены из лома цветного металла, при этом нельзя исключить, что этот лом мог быть дополнительно разбавлен свинцом. Как видно из гистограммы (рис. 5), содержание свинца превышает порог в 5% и демонстрирует достаточно большие значения. Из такого сплава преимущественно изготовлены шумящие подвески с двумя петлями и бутылчатые привески, шумящие подвески, умбоновидные украшения, очковидные украшения обуви, а также фрагменты спирали головных жгутов и спиральные пронизки.

В выборке также присутствует оловянная латунь (6% выборки), свинцовая латунь (5% выборки): из сплава CuSnZn отлиты парные поясные украшения (ажурные пряжка и накладка; содержание и олова, и цинка сопоставимо друг с другом – цинк 3,17–3,75%, а олово 3,13–4,70% , что косвенно свидетельствует в пользу одновременности изготовления этой

⁴ Расчистка выполнялась ручным электроинструментом Dremel с мягкими насадками, предотвращающими появление царапин, сколов и иных повреждений на поверхности предмета.

пары украшений). Из свинцовой латуни были изготовлены украшения из листового металла: это треугольная трапециевидная подвеска и лунничное височное кольцо; здесь концентрация свинца в одном случае значительно превышает допустимый при обработке давлением уровень его содержания (Равич, 1982), что требует дополнительных исследований (как и для головных жгутов и спиральных пронизей).

Кроме того, в анализируемой выборке оказались и предметы, изготовленные из сплава с серебром (4% выборки): это застёжка с «крылатой» иглой из «желтого» многокомпонентного серебра и пластинчатая нагрудная бляха из сплава с серебром ($Ag < 40\%$).

Посмотрим, как металл из погребения 57 «выглядит» на фоне других, синхронных ему, погребений Подболотьевского могильника. Так, в погребении 30, где выборка состоит из 7 проанализированных предметов, зафиксировано присутствие низкоцинкового многокомпонентного сплава (содержание свинца от 5 до 20%); свинцовой латуни и тройной бронзы (рис. 6а). В выборке из погребения 37 также отмечается доминирование низколегированного цинком многокомпонентного сплава и наличие предметов из тройной бронзы и свинцовой латуни. Эта выборка отличается от выборки из погребения 57 доминированием сплава с высоким процентным содержанием олова, а не только свинца: так, содержание олова здесь варьирует от 2,34 до 38,36%; в выборке из погребения 37 отмечается также присутствие изделий из листового металла с высоким процентным содержанием свинца (рис. 6б). Такая же картина по

распределению основных типов сплавов и присутствию изделий из листового металла, демонстрирующая высокое процентное содержание свинца, зафиксирована и в погребениях 34 и 85 Подболотьевского могильника (рис. 6в, 6г).

Доминирование в выборке второй половины VIII – IX в. Подболотьевского могильника сплавов с цинком подтверждается ранее опубликованными сводными характеристиками металла из этого памятника (Ениосова, Сарачева, 2008, с. 269. Табл. 4; с. 270. Табл. 6). Наиболее близкие параллели металлу из рассматриваемых погребений Подболотьевского могильника мы находим в материалах второго хронологического этапа существования Крюковско-Кужновского могильника (в погребениях VIII–IX вв.), где многокомпонентный сплав, высоколегированный свинцом, использовался при изготовлении традиционных для мордвы типов поясных наборов (Сапрыкина и др., 2011, с. 324).

Завершая обзор погребения 57, следует отметить присутствие в нем двух серебряных изделий, что выделяет это погребение из всех исследованных захоронений этого хронологического периода в Подболотьевском могильнике. Кроме того, удалось зафиксировать наличие одномоментно изготовленных украшений – ажурной поясной пряжки и накладки, что позволяет размышлять о характере формирования убора погребенной: собирался ли этот убор на протяжении жизни, в том числе в виде даров или подношений, или он носит, скорее, ритуальный характер и был изготовлен для каких-то определенных целей.

В то же время погребение муромки в практически аналогичном костюме в далеком от муромских территорий Танкеевском могильнике (Казаков, 2007, рис. 53–54) свидетельствует о парадном характере убора и высоком статусе его носителей. В пользу последнего говорит и богатое мужское погребение, которое раскопано рядом с погребением 57.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 349 с.
2. *Алихова А.Е.* Серповский могильник // Из древней и средневековой истории мордовского народа / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Красный октябрь, 1959. С. 117–130.
3. *Архипов Г.А.* Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1973. 198 с.
4. *Ахмедов И.Р.* Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Проблемы и материалы / Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 13 / Отв. ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2010. С. 7–34.
5. *Бейлекчи В.В.* Древности летописной муромы. Погребальный обряд и поселение. Муром: Издательство Московского психолого-социального института, 2005. 278 с.
6. *Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н.* Хронология мордовских могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2008. 352 с.
7. *Гавритухин О.И., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 3 / Ред. Г.Е. Афанасьев, И.П. Русанова. М.: ИА РАН, 1996. 296 с.
8. *Голубева Л.А.* Муром // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. Т. 17 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. С. 81–92.
9. *Гомзин А.А.* Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в среднем и нижнем Поочье. Дисс. ... канд. ист. наук. М. 2013. 499 с.
10. *Городцов В.А.* Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 году // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. XXIV. М. 1914. С. 40–216.
11. *Григорьев А.В.* Денежно-вещевые клады IX – начала X в. бассейна средней Оки // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки / Ред. А.А. Пескова, О.А. Щеглова, А.Е. Мусин. Санкт-Петербург: Нестор-история, 2010. С. 449–453.
12. *Гришаков В.В.* Находки раннесредневековых ритуальных ложечек в Окско-Свияжском междуречье // Поволжская археология. № 1. 2016. С. 256–265.
13. *Гришаков В.В., Зеленева Ю.А.* Муром VII–XI вв. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 1990. 77 с.
14. *Дубынин А.Ф.* Малышевский могильник (К истории нижней Оки I тысячелетия н. э.) // КСИИМК. Вып. XXV. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 134–136.
15. *Ениосова Н.В., Митоян Р.А.* Рентгеноспектральный метод анализа археологического металла: преимущества, ограничения и ловушки в процессе измерения и интерпретации // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 4 / Ред. А.Г. Ситдинов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 143–146.
16. *Ениосова Н.В., Сарачева Т.Г.* Цветной металл Северо-Восточной Руси в IX–XIV веках // Сельская Русь в IX–XVI веках / Отв. ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов. М.: Наука, 2008. С. 265–274.

17. Зеленцова О.В. Ранний горизонт погребений среднецнинской мордвы (вопросы хронологии) // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. / Тр. ГИМ. Вып. 145 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2005. С. 320–328.

18. Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы // *Vita Antiqua*. 1999. № 2. С. 111–136.

19. Краснов Ю.А. Безводнинский могильник. К истории Горьковского Поволжья в раннем средневековье. М.: Наука, 1980. 214 с.

20. Леонтьев А.Е. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси // Археология великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 4. М.: Гео-эко, 1996. 338 с.

21. Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Дневник археологических раскопок П.П. Иванова / Ред. А.П. Смирнов. Моршанск: Моршанский краеведческий музей, 1952. 232 с.

22. Петербургский И.М. Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. Саранск: Красный Октябрь, 2011. 420 с.

23. Равич И.Г. Исследование разрушения металлических изделий в зависимости от состава, технологии изготовления и условий хранения / Отчет сектора металлов ВНИИР. М., 1982. *Рукопись*.

24. Сапрыкина И.А., Митоян Р.А., Никитина Т.Б., Зеленцова О.В. Результаты химико-технологического исследования поясных наборов второй половины VIII – начала XI вв. из могильников Среднего Поволжья // *Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum*. Piliscsaba, 2010. Piliscsaba, 2011. Pars VIII. P. 312–332.

25. Степанов П.Д. Древняя история мордвы – эрзи. (Очерк второй – археологические и этнографические данные) // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 39 / Ред. П.Д. Степанов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1970. С. 26–66.

26. Тухтина Н.В. Женский головной убор (По материалам Подболотьевского могильника) // Археологический сборник. Погребальный обряд. Труды Государственного исторического музея. Вып. 93 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 1997. С. 109–121.

27. Шитов В.Н. Старокадомский могильник // Материалы по археологии Мордовии / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 85 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. С. 23–70.

28. Шитов В.Н. Шокшинский могильник: два погребения с монетами // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 99 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. С. 21–31.

29. Orfanou V., Rehren Th., A (notso) dangerous method: pXRFvs. EPMA-WDS analyses of copper-based artefacts in Archaeological and Anthropological Sciences. Vol. 5. Issue 3. Published by Springer, 2015. P. 387–397.

Информация об авторах:

Зеленцова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия), olgazelentsova2010@yandex.ru

Сапрыкина Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия), dolmen200@mail.ru

ON THE MUROMA FEMALE COSTUME BASED ON MATERIALS FROM BURIAL 57 OF PODBOLOTYEVSKY BURIAL GROUND

O.V. Zelentsova, I.A. Saprykina

The paper considers the materials discovered in female burial 57 investigated during excavations at the Podbolotievsky burial ground in 2012 (works conducted by the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). This burial dated second half of the 8th – early 9th centuries contains 159 items made of non-ferrous and precious metal, and is characterized by the general wealth of grave goods as compared with all burials studied in the early 21st century. Four similar burials in terms of the composition of the clothing and the wealth of the grave goods were investigated by V.A. Gorodtsov in 1910 and are considered to be classical Murom burials. A comparative and typological analysis of clothing from burial 57 allowed to determine the structure of the traditional Murom costume, the high-status character of which became a standard for the formation of the costume aensemble of period in question. An analysis of the chemical composition of metal from this burial allowed to determine that the primary type of alloys used for the manufacture of Murom clothing parts in the second half of the 8th – early 9th centuries was an CuPbSbZn alloy characterized by a lower content of zinc (up to 5%) and tin (up to 10%). The presence two silver items in the burial, considering the general wealth of the grave goods, testifies to the high social status of the buried. During an investigation of metal from this burial, the researchers discovered adornments of single-stage manufacture and a classical form of items crafted from a complex alloy by means of pressure treatment, which allows to raise the question of the nature of clothing from such such burials whether such clothing is “composite” and collected over a period of time, or they rather have a ritual nature.

Keywords: archaeology, Early Middle Ages, Finns from he Volga Region, Murom, Mordva, Lower Oka, burial mound, headdress, social stratification, X-ray phase analysis, chemical composition of metal.

REFERENCES

1. Aibabin, A. I. 1999. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma (Ethnic history of the early Byzantine Crimea)*. Simferopol: “Dar” Publ. (in Russian).
2. Alikhova, A. E. 1959. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iz drevnei i srednevekovoi istorii mordovskogo naroda (Essays on Ancient and Medieval History of the Mordva People)*. Saransk: “Krasnyi oktiabr” Publ., 117–130 (in Russian).
3. Arkhipov, G. A. 1973. *Mariitsy IX–XI vv.: k voprosu o proiskhozhdenii naroda (Mari People in 9th – 11th Centuries: to the Question on the Genesis of People)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
4. Akhmedov, I. R. 2010. In Islanova, I. V., Rodinkova, V. E. (eds.). *Arkheologiya Vostochnoi Evropy v I tysiacheletii n.e.: problemy i materialy (Archaeology of the Eastern Europe in the I Millennium AD: Issues and Materials)*. Series: Rannelslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 13. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 7–34 (in Russian).
5. Beilekchi, V. V. 2005. *Drevnosti letopisnoi muromy. Pogrebal'nyi obriad i poseleniia (Antiquities of the Chronicles' Muroma Tribe: Burial Rite and Settlements)*. Murom: Moscow Psychological and Social Institute (in Russian).
6. Vikhliaev, V. I., Begovatkin, A. A., Zelentsova, O. V., Shitov, V. N. 2008. *Khronologiya mordovskikh mogil'nikov naseleniia I–XIV vv. zapadnoi chasti Srednego Povolzh'ia (Chronology of Mordovian Burial Grounds of the 1st–14th Centuries Population in the Western Part of the Middle Volga Area)*. Saransk: Mordovia State University (in Russian).

7. Gavritukhin I. O., Oblomsky A. M. 1996. In Afanasyev, G. E., Rusanova, I. P. (eds.). *Gaponovskii klad i ego kulturno-istoricheskii kontekst (Gaponovo Hoard and its cultural and historical Context)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (The World of the early Slavs. The Archaeology of the Slavs and Their Neighbours) 3. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
8. Golubeva, L. A. 1987. In Sedov, V. V. (ed.). *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ia (The Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR, 17. Moscow: "Nauka" Publ., 81–92 (in Russian).
9. Gomzin, A. A. 2013. *Vostochnoe monetnoe serebro IX – nachala XI v. v srednem i nizhnem Pooch'e (Eastern coin silver of the 9th - early 11th centuries in the Middle and Lower Oka Region)*. PhD Diss. Moscow (in Russian).
10. Gorodtsov, V. A. 1914. In *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva (Antiquities. Proceedings of Moscow Archaeological Society)* XXIV, 40–216 (in Russian).
11. Grigor'ev, A. V. 2010. In Peskova, A. A., Shcheglova, O. A., Musin, A. E. (eds.). *Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki (Slavic-Russian Jewelry Craft and its Origins)*/ Saint-Petersburg: "Nestor-Historia" Publ., 449–453.
12. Grishakov, V. V. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 256–265 (in Russian).
13. Grishakov, V. V., Zelenev, Yu. A. 1990. *Muroma VII–XI vv. (Muroma People in 7th – 11th Centuries)*. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).
14. Dubynin A. F. 1949. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XXV, 134–136 (in Russian).
15. Eniosova, N. V., Mitoian, R. A. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* IV. Kazan: "Otechestvo" Publ., 143–146 (in Russian).
16. Eniosova, N. V., Saracheva, T. G. 2008. In Makarov, N. A., Chernov, S. Z. (eds.). *Sel'skaia Rus' v IX–XVI vekakh (Rural Rus in the 9th-16th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ., 265–274 (in Russian).
17. Zelentsova, O. V. 2005. In Belotserkovskaya, I. V. (ed.). *II Gorodtsovskie chteniia. Materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu deiatel'nosti V.A. Gorodtsova v GIM. Aprel' 2003 g. (2nd Gorodtsov Readings. Proceedings of the Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of V.A. Gorodtsov in the National History Museum. April 2003)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 145. Moscow: State Historical Museum, 320–328 (in Russian).
18. Komar, A. V. 1999. In *Vita Antiqua* 2. 111–136 (in Russian).
19. Krasnov, Yu. A. 1980. *Bezvodninskii mogil'nik: k istorii Gor'kovskogo Povolzh'ia v epokhu rannego srednevekov'ia (Bezvodnoye Burial Ground: on History of Gorky Volga Area in the Early Middle Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
20. Leont'ev, A. E. 1996. In *Arkheologiya velikogo pereseleniia narodov i rannego srednevekov'ia (Archaeology of the Great Migration Period and Early Middle Ages)* 4. Moscow: "Geoeko" Publ. (in Russian).
21. Smirnov, A. P. (ed.). 1952. *Materialy po istorii mordvy VIII–XI vv. Dnevnik arkheologicheskikh raskopok P. P. Ivanova (Materials on the History of Mordva People in 8th–11th Centuries (Field Notebook by P. P. Ivanov)*. Morshansk: Morshansk Museum of Local Lore (in Russian).
22. Peterburgsky, I. M. 2011. *Material'naiia i dukhovnaia kul'tura mordvy v VII–X vv. (Material and Spiritual Culture of the Mordva People in 7th–10th Centuries)*. Saransk: "Krasnyi Oktiabr'" Publ. (in Russian).
23. Ravich, I. G. 1982. *Otchet sektora metallov Vserossiiskogo nauchno-issledovatel'skogo, proektno-konstruktorskogo i tekhnologicheskogo instituta relestroeniia s opytym proizvodstvom (Report by the Metals Department of the All-Russian Scientific Research & Development Technological Institute of Relay Engineering with Pilot Production)*. Moscow. Manuscript (in Russian).

24. Saprykina, I. A., Mitoian, R. A., Nikitina, T. B., Zelentsova, O. V. 2011. *Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Piliscsaba, 2010*. Piliscsaba VIII. 312–332 (in Russian).
25. Stepanov, P. D. 1970. In Stepanov, P. D. (ed.). *Issledovaniia po arkheologii i etnografii Mordovskoi ASSR (Studies on the Archaeology and Ethnography of Mordovia ASSR)* Series: Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skiogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovia Institute of Language, Literature, History, and Economy) 39. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 26–66 (in Russian).
26. Tukhtina, N. V. 1997. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik. Pogrebal'nyi obriad (Archaeological Collection of Papers. Funeral Rite)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 93. Moscow: State Historical Museum, 109–121 (in Russian).
27. Shitov, V. N. 1988. In Zhiganov, M. F. (ed.). *Materialy po arkheologii Mordovii (Materials for the Archaeology of Mordovia)*. Series: Proceedings of the Mordovian Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography 85. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 23–70 (in Russian).
28. Shitov, V. N. 1990. In Zhiganov, M. F. (ed.). *Srednevekoveye pamiatniki Oksko-Surskogo mezhdurech'ia (Medieval Sites of the Oka-Sura Interfluve)*. Series: Proceedings of the Mordovian Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography 99. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 21–31 (in Russian).
29. Orfanou V., Rehren Th., A (notso). 2015. In *Archaeological and Anthropological Sciences* 5. Issue 3. Published by Springer, 387–397.

About the Authors:

Zelentsova Olga V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; olgazelentsova2010@yandex.ru

Saprykina Irina A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; dolmen200@mail.ru

Статья поступила в номер 07.02.2018 г.